

В. А. Пашков (1831-1902). Жизнь и служение. Ф. Никитин.
Корнталь: Свет на Востоке, 2020. – 224 с.

Ф. Н. Никитин написал книгу, посвященную полковнику В. А. Пашкову, лидеру российской евангельской церкви в 1870-х – 1880-х гг., которая станет теперь отправным пунктом для любого ученого, занимающегося историей евангельского движения. В главах 1-2 автор рассматривает жизнь Пашкова, представителя одного из влиятельных дворянских родов, владельца земли и недвижимости, родственника государственных деятелей, и историю его обращения под влиянием Лорда Редстока посетившего Россию в 1874 г. Как поясняет Никитин, в центре новой веры Пашкова было слово Христово, воплощенное в Библии. Путиами приведения людей ко Христу были исповедание его слова и осуществление добрых дел, обычно в виде благотворительности. В последующих главах рассматривается деятельность Пашкова в Петербурге и провинции, его отношения с евангельским сообществом в России и за рубежом и преследования Пашкова властью вплоть до его изгнания из России. Книга дополняет работы, посвященные распространению евангельского христианства в Российской империи, который охватывает сообщества германских колонистов, с 1870-х гг. крестьянское население Украины и Южной России. Процесс, названный С. Жуком “потерянной Реформацией России”, все еще мало изучен, и книга Никитина восполняет эту нишу.

Религиозная деятельность Пашкова были ориентированы как на его аристократическое окружение, так и на низшие социальные слои. Он проповедовал, распространял литературу и боролся с алкоголизмом не только в своем петербургском доме, но и в общественных местах с 1874 по 1884 г. В его доме работала дешевая столовая и две школы – одна для детей пролетариата Санкт-Петербурга, другая для бедных женщин-работниц. Пашков и его приверженцы посещали больницы и тюрьмы, предоставляли финансовую помощь малоимущим студентам. Общество поощрения духовно-нравственного чтения, организация, в которой участвовал Пашков, публиковала православную и неправославную литературу для распространения по всей империи. Его деятельность не ограничивалась столицей: он работал и в своих поместьях, создавая школы и больницы, проповедуя, занимаясь благотворительностью. Кроме того, Пашков устанавливал связи с другими евангельскими обществами, как в России, так и на Западе: предоставлял он помощь и другим “рационалистским” сектам в России, таким, как молокане и духоборы. Кульминацией этой активности стала организация съезда евангельских верующих в Санкт-Петербурге 1884 г., имевшего целью объединить все группы евангельских христиан России в единое движение.

Соединение проповеди и социальной благотворительности, имели противоречивые последствия. С одной стороны, деятельность Пашкова среди низших

классов, студенчества и тюремное служение не запрещались властями, которые видели в этом противовес радикализации и революционной агитации среди студенчества, а некоторые издания Общества поощрения духовно-нравственного чтения, на средства Пашкова, даже получали разрешение Министерства Народного Просвещения на распространение в народных библиотеках. Тем не менее, отношение Пашкова к Русской православной церкви, которую он считал мертвой организацией, привели его к столкновению с властями, особенно в период обер-прокурорства К. П. Победоносцева. Хотя и государство, и православная церковь накладывали на Пашкова и его последователей ограничения с 1878 г. (главным образом стараясь запретить его молитвенные собрания), в 1884 г. Пашкову было приказано подписать отречение от своей веры: от этого он отказался и был отправлен в изгнание, в котором пребывал до самой смерти. Последние главы книги Никитина посвящены изучению отношения к Пашкову при жизни и после смерти, и процессу памяти о Пашкове в евангельских сообществах России. Работу завершает ряд архивных материалов.

Работа Никитина является, пожалуй, единственным современным, доступным и детальным описанием истории этого важного, но, увы, обделенного вниманием человека. Более того, автор критически анализирует практически все историографические труды (как на русском, так и на других языках). Никитин смог выявить и использовать в своем исследовании практически все документы касающиеся деятельности Пашкова, включая Архив Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ), Научно-исторический архив Государственного музея истории религии (ГМИР), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), и многие другие. Можно уверенно сказать, что труд Никитина – наиболее исчерпывающее и полное среди всех исследований, когда-либо написанных о Пашкове. В своей работе Никитин старается представить настоящую биографию Пашкова – в противовес агиографии, хотя ему не всегда удается избежать апологетического тона. По этой причине он предлагает обширные цитаты не только авторства друзей и союзников Пашкова, но и его врагов, незаинтересованных наблюдателей, множества российских и иностранных журналистов. Результатом стало цельное и сбалансированное описание жизни Пашкова, его идейного наследия и основанного им движения, а также его вклад в евангельское христианство России в целом.

Несмотря на это, есть и проблемы в исследовании, на которые необходимо обратить внимание. Во-первых, Никитин чрезмерно полагается на цитаты из своих источников, некоторые из которых простираются на несколько страниц. Авторский голос, таким образом, оказывается слабо слышен из-под такого потока. Книга бы выиграла, если бы вместо цитирования *ad verbatim* Никитин в большей степени развивал свой анализ и более емко высказался о своем взгляде на место Пашкова в российской и европейской истории. Во-вторых, хотя Никитин до известной степени помещает фигуру Пашкова в широкий контекст дви-

жения евангельских христиан в России, другие контексты в работе отсутствуют. Период, на который пришлась деятельность Пашкова, был полон сходными примерами, и многие из его современников находились в сходных обстоятельствах и преследовали сходные цели. Русская Православная церковь, например, с конца XIX в. все большее значение придавала пастырскому и нравственному богословию, проповеди и городской благотворительности, в частности, Санкт-Петербургской духовной академии: этот процесс С. Кенуорти и другие исследователи именуют “социальным христианством” в варианте русского православия.¹ Чтобы в полной мере понять социальный процесс, частью которого стала деятельность Пашкова, необходимо учитывать эти контексты – особенно если считать акцент православной церкви на пастырском ответе быстрому росту евангельского христианства, то есть “трансконфессиональным” заимствованием стратегии и тактики, нацеленным на укрепление православия перед лицом нового вызова.² Слабое знакомство с этим контекстом ведет к поверхностным характеристикам православных деятелей, например, Рачинского как “педагога ортодоксально-православного направления” и протоиерея И. Л. Янышева, как человека, ставшего на сторону Пашкова в полемике с В. Поповым. Не зная о том, что И. Л. Янышев был основоположником нравственного богословия и участников экуменического диалога (со старокатоликами), читателю трудно понять его отношение к Пашкову. Кроме контекста “социального христианства” Русской православной церкви, книга Никитина могла бы выиграть от более тесного знакомства с контекстом разнообразных альтернативных религиозных течений внутри российского христианства до и после Пашкова, которые не сводимы к евангелическому движению, как например, хлыстовства, молоканства, секты Татариновой, толстовства, чуриковцев. В частности, религиозное лидерство Екатерины Татариновой и ее круга, членов петербургской аристократии, и их отношения с народной религиозностью и с властью во-многом перекликается с личностью и деятельностью Пашкова.³ В-третьих, Никитину можно было бы посоветовать глубже ознакомиться с подходами к религиозной биографии [Вера и личность], так как подобное знакомство могло бы снабдить его необходимым концептуальным аппаратом для всестороннего изучения предмета. Каким образом духовное возрождение, пережитое Пашковым и его последователями, повлияло на их субъектность? Или, лучше

¹ P. Herrlinger, *Working Souls: Russian Orthodoxy and Factory Labor in St Petersburg, 1881-1917* (Bloomington: Slavica, 2007); P. Herrlinger, “Trials of the Unorthodox Orthodox: The Followers of Brother Ioann Churikov and Their Critics in Modern Russia, 1894-1914,” *Russian History* Vol 40 (2013): 244-263; S. Kenworthy, “An Orthodox Social Gospel in Late-Imperial Russia,” *Religion and Society in Central and Eastern Europe* Vol 1 (2006): 1-29; J. Hedda, *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008); М. Грабко, *Деятельность Русской православной церкви в рабочей среде Московской губерний в конце XIX – начале XX в.* (М: Издательство ПСТГУ, 2017).

² G. Freeze, “Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia,” *Вестник Санкт-Петербургского университета* Т 62 Вып 1 (2007): 4-17.

³ E. Emeliantseva, ‘Situational Religiosity: Everyday Strategies of the Moscow Christ-Faith Believers and of the St Petersburg Mystics Attracted by This Faith in the First Half of the Nineteenth Century’, in Thomas Bremer (ed), *Religion and the Conceptual Boundary in Central and Eastern Europe* (London, 2008): 97-120.

сказать, как этот весьма личный опыт религиозной веры и призвания изменил их самовосприятие и их отношения с обществом и государством? В целом же книга Никитина представляет собой исключительно ценный вклад в науку, основанный на глубоком знании как опубликованных, так и архивных материалов из нескольких стран и на нескольких языках, которую без колебаний можно порекомендовать — не только специалистам по религиозной истории Российской империи, но и самому широкому кругу читателей. На годы вперед эта работа станет образцовой биографией Пашкова.

Джеймс Уайт, Ирина Пярт

Тартуский университет Тарту, Эстония

Надійшла до редакції / Received 14.07.2021

Прийнята до публікації / Accepted 13.10.2021